

Ирина Щербакова*

Диалог поколений или разговор немых с глухими

Политика в отношении истории в России

В мае 2010 года 65-летие Победы во Второй мировой войне стало последней круглой датой, которую еще застали участники боевых действий. Десять лет назад мифу о блестящей победе еще противостояла живая память миллионов участников войны. На сегодняшний день источник личных воспоминаний практически исчерпан. Молодые люди в России подвергаются воздействию идеологизированной, псевдопатриотической политики памяти. Семейные воспоминания сами по себе были бы источником сведений о войне, но даже они становятся все более фрагментарными и противоречивыми. Психические травмы и цензура не позволяли представителям старшего поколения открывать душу. Крайний радикализм преобразований в 1990-е годы привел к тому, что ценности и опыт старших почти потеряли значение для молодежи. Таким образом, диалогу об историческом опыте трудно состояться.

Интересная ситуация складывается в нынешнем российском обществе – важнейшая, начиная с XIX века, тема отношений между «отцами и детьми», между старшими и младшими поколениями – словно не слишком волнует людей. Это тем более поразительно, что проблему исторической памяти (которая всегда остро высвечивает поколенческие конфликты) сегодня не затрагивает только ленивый. Но, конечно же, это не означает, что вопрос о том, что представляют собой нынешние молодые – в смысле нравственных ценностей, жизненных ориентиров и т. п. (того извечного списка вопросов, ответов на которые всегда требуют «старшие»), не обсуждается. Наоборот, совсем недавно развернулись бурные дискуссии, связанные с очень жестким изображением жизни старшеклассников в телесериале «Школа» (режиссер Валерия Гай-Германика), показ которого был начат, а затем приостановлен на первом канале российского телевидения. А против авторов противоречивого и не прямолинейного фильма о жизни скинхедов «Россия 88» (режиссер Павел Бардин) вообще возбуждено уголовное дело о подстрекательстве к экстремизму. С другой стороны, как бы в противовес этим «нехорошим» молодым (не только изображенным в фильмах

---

* **Ирина Щербакова** (1953) – историк, руководитель образовательных программ НИПЦ «Мемориал», Москва.

героям, но и к тем, кто эти фильмы сделал) активисты прокремлевского движения «Наши»¹ «приватизируют» военно-патриотическую тему, выставляют себя главными защитниками стариков и ветеранов, обиженных чиновниками, но одновременно, по их мнению, и либералами-правозащитниками, усомнившись в праве официальных ветеранских организаций диктовать обществу, какой образ войны оно должно принять. Поэтому «Наши» организовали «пожизненный пикет» бывшему диссиденту журналисту Подрабинеку, который написал резкую статью против требований представителей ветеранских организаций переименовать кафе «Антисоветское»; осаждали эстонское посольство в России, устраивая демонстрацию против переноса «Бронзового солдата» – памятника советским солдатам в Таллине; они присуждают на своем сайте «премию Геббельса» историкам, журналистам и правозащитникам, высказавшим суждения, нарушающие советский официальный канон в изображении Великой Отечественной войны. В этот канон теперь уже совершенно откровенно (без всякого флера брежневской эпохи) включается фигура генералиссимуса Сталина как творца Победы. И поскольку главная составляющая этого патриотического великодержавного канона – гордость за великую Россию, то именно победа, а отнюдь не долгая, страшная, совершенно обескровившая и изнурившая страну война в этом патриотическом мифе является ключевой точкой, и именно она подкрепляет идею прошлого, нынешнего и будущего величия страны.

«При оценке перспектив будущего лидерства России мы рассматриваем Россию как исторический и географический центр современного мира. Уже XX век был веком России. Трижды в течение этого века Россия задавала формат мировой истории. Октябрьская революция была тем историческим взрывом, который в конечном итоге сформировал мировую политическую повестку дня XX века. Победа России в Великой Отечественной войне заложила основы мирового порядка на вторую половину XX века. Отказ России от коммунистической системы послужил толчком к формированию мира XXI века. Без определения отношения к трем этим событиям невозможно правильное видение перспектив России в современном мире <...>

Победа России во Второй мировой войне создала основы миропорядка, который до последнего времени гарантировал защиту мира от глобальной гегемонии одной страны (будь это нацистская Германия или США) и повторения новой мировой войны. В мировом плане эта победа стала толчком к крушению колониальных империй и нацио-

---

¹ В программных документах «Наших» говорится: «С самого начала основной целью Движения «НАШИ» стала борьба с противоестественным союзом олигархов и либералов, стремящихся к отказу от суверенитета и независимости России по отработанному в Грузии и Украине сценарию «оранжевой революции»; содействие превращению России в глобального лидера в XXI веке и проведение в России «кадровой революции» для прихода во власть нового поколения управленцев, поскольку управляющее страной с 1980-х поколение утратило веру в Россию и ее перспективы». См.: <http://nashi.su/projects>.

нальному освобождению десятков стран и народов. Идея права каждого народа на свободное развитие — результат российской Победы над фашизмом»², — все это четко сформулировано в программном документе «Наших», помещенном на их сайте.

Сталин как объединяющий символ

Итог войны в политической программе «Наших» трактуется как победа, принесшая всем народам только свободу. Такая трактовка, конечно же, не допускает никаких сомнений, рефлексии, размышлений о цене победы, о раскрытии так называемых белых пятен в истории войны, которых еще очень много (поскольку военные архивы малодоступны), но она, по сути, исключает из общественного дискурса вопрос о передаче молодым поколениям реальных человеческих воспоминаний о войне. Вместо этого разворачиваются бурные дебаты по поводу уважения к ветеранам, которое якобы обязывает повесить в российских городах к 65-летию победы портреты Сталина³.

На этом примере отчетливо видно, как наши молодые люди становятся жертвами и этой деформированной *ветеранской* памяти, но, главное, и весьма идеологизированной, лжепатриотической *политики памяти*. Во многом благодаря этой политике память о Великой победе вытеснила память о репрессиях, вырвавшуюся, наконец, на поверхность из забвения в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Все данные социологических опросов последних лет свидетельствуют о том, что на вопрос о том, какое, по мнению опрошенных, историческое событие является важнейшим в российской истории XX века, подавляющее большинство опрошенных отвечает: Отечественная война (и потом с большим отрывом — полет Гагарина в космос). При ответе на вопрос о роли Сталина в российской истории более 40% участников опроса связывают его имя с победой в войне и только 10% с репрессиями⁴. Таким образом, из памяти о войне выпадает и все то, что не укладывается в миф о победе: и репрессии Большого террора 1937–1938 годов, обескровившие Красную армию накануне войны и лишившие ее лучших офицеров и военачальников, и тяжелейшие ошибки сталинского руководства в начале войны, и жесточайшие методы ее ведения, приводившие к неоправданным потерям миллионов солдат, и депортации народов, обвиненных в сотрудничестве с оккупантами, и дискриминационные практики по отношению к бывшим советским военнопленным и «остарбайтерам», людям, угнанным на работу в Германию, и жестокое подавление освободительных движений в послевоенной Восточной Европе, и многое другое. Уже сам этот посыл почти автоматически исключает из образа войны все, что происходило после 1939-го года, после пакта Гитлера–Сталина, и таким образом, противопоставляет эту память памяти соседних стран (Польши, стран

² См.: <http://nashi.su/projects>.

³ См.: www.urokiistorii.ru/2010/04/portrety-stalina-zayavlenie-«memorial»

⁴ См.: <http://www.levada.ru/press/2010040102.html>

Балтии, запада Украины). В эту память плохо вписывается и истинная память о холокосте, поскольку для восстановления ее необходимо говорить не только о злодеяниях нацистов, но и о последовательной политике забвения и вытеснения этой памяти, которая проводилась в СССР вплоть до перестройки⁵.

Такая историческая политика постоянно отделяет память о войне Отечественной от Второй мировой, умаляет роль союзников, вместе с фигурой Сталина возрождает клише эпохи холодной войны. (Очень характерен в этом смысле тот шум, который поднялся в так называемой «патриотической» печати и в блогах праворадикального толка по поводу совместного с бывшими союзниками парада Победы.)⁶

Уход свидетелей

Если еще десять лет назад можно было рассуждать о противостоящей в какой-то мере этому образу войны коммуникативной памяти ее участников⁷, то сегодня мы можем говорить лишь об отдельных живых свидетелях (в основном уже о прабабушках и прадедушках сегодняшних молодых людей, которые являются живыми носителями памяти). «Что ж вы раньше-то не пришли?», «Теперь я могу и умереть спокойно, когда рассказал(а) все, что мне не давало покоя» – это только две из многочисленных фраз, которые слышали Михаил Столбровский и Василий Хруцкий от людей... «Многие из опрошенных не могли скрыть свое волнение и справиться со слезами. Они сказали, что эти оба школьника – первые люди, с кем они говорили на такую тему...»⁸, – подобная фраза предваряла многие работы, присланные на исторический конкурс общества *Мемориал* в 2005 году (на предыдущую круглую дату) и посвященные теме «Цена победы». Теперь таких работ и таких цитат становится все меньше. Живых свидетелей, людей воевавших, в настоящий момент уже почти не осталось. Ушли фронтовики, к памяти которых сегодня можно было бы апеллировать. Если просто посчитать, даже приблизительно, то последним призывным годом рождения для тех, кто успел принять участие в боевых действиях, был фактически 1927-й, а те, кто были 1924 года рождения, призывались в 1942-м. Это значит, что участникам войны (самым молодым из них), сейчас должно быть никак не меньше 87–88 лет. В живых остались единицы, это очень старые люди. Поэтому сегодня о непосредственной передаче памяти говорить трудно. В какой-то мере живая ниточка еще тянется из семейной памяти или из узких пределов родственного

---

⁵ Все последнее время тема памяти о холокосте очень активно используется не для самой памяти, а для уличения латышей, эстонцев и украинцев в пособничестве оккупантам. См. публикации Александра Дюкова и фонда «Историческая память» (<http://www.historyfoundation.ru/>)

⁶ См., например : <http://www.rus-imperia.info/catalog/631.html>

⁷ Это особенно ярко проявлялось в работах, присылаемых на школьный исторический конкурс «Человек в истории. Россия–20 век», который общество *Мемориал* проводит с 1999 года.

⁸ Irina Scherbakowa. Unruhige Zeiten, Lebensgeschichten aus Rußland und Deutschland. Hamburg 2006, S. 153.

круга. Но надо учитывать, что в России семейная память, как правило, носит поверхностный, фрагментарный характер, даже когда речь идет не только о воспоминаниях, связанных с репрессиями, но и с войной. Кроме того, и воспоминания живых свидетелей не дают понимания причинно-следственных связей и отнюдь не всегда «работают» на восстановление исторической правды, углубление и усложнение картины прошлого. Они часто лишь подпитывают советскую мифологию в духе: «А мой дедушка говорил, что при Сталине было хорошо, что без Сталина мы бы войну не выиграли, что мы с именем Сталина ходили в атаку» и т. п. Сегодня уже все труднее говорить о передаче непосредственных живых впечатлений о войне – они, скорее, передаются опосредованно – сквозь призму брежневской эпохи, и это очень сильно смещает угол зрения. Именно этим можно объяснить те деформации, которые сегодня мы можем заметить в сознании молодых. В 1970-е годы в кинематографе стал использоваться клишированный способ изображения действительности периода войны: мирная, прекрасная жизнь, которая внезапно нарушается вероломным нападением врага. На экране появляются прекрасные юноши и девушки, которые, не «погибают», а, так сказать, «отдают свои жизни». В те годы возникла своеобразная «модель» военных фильмов, которые создавали романтизированный, приглаженный образ войны. Такой подход был характерен не только для фильмов, но и для литературы и мемуаристики определенного толка, способствовавших созданию такого нарратива в воспоминаниях о войне, который служил (и продолжает служить) удобным прикрытием для лакун в памяти, вытеснений тяжелых воспоминаний. На самом деле лишь очень немногим реальным участникам войны удавалось преодолеть в себе ее последствия и тяжелые травмы, нанесенные ею, а также осмыслить свой опыт. Большинство из них (и это, конечно, отнюдь не только фронтовики, но и люди с «обочины» этой войны – бывшие военнопленные, угнанные в Германию) так и не смогли забыть того, что пережили. Они спивались, ломались, умирали от ран не только физических, но и душевных. Эта вынужденная немота военного поколения возникла 60–70 лет тому назад и до сих пор окончательно так и не преодолена, во всяком случае, на уровне семейной памяти. Поделиться своими болезненными воспоминаниями было невозможно, признаться в каких-то вещах – собственной жестокости, пережитом или причиненном кому-то насилии – даже самому себе было тяжело, поэтому и повторялась расхожая формула – «война все спешет». Однако *списывалось* далеко не все. Бывшие фронтовики приспособлялись к новой жизни ценой больших компромиссов, примиряясь с ложью и несправедливостью мирной жизни, испытывая бóльший страх в кабинетах начальства, чем когда-то на передовой, как пишет Иосиф Бродский в своем стихотворении «На смерть Жукова» (1974): «Смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою»⁹. Разумеется, все это потом отражалось и на семьях, и на отношениях с детьми, с женами. Так эта травмированная память продолжала влиять на будущие поколения. И тем удобнее стало для многих участников войны пря-

⁹ <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7689>

таться за шаблонную официальную память и почетный статус ветерана, как это происходило в 1970–1980-е годы.

Преодоление немоты (и это касается не только темы политической репрессий, но и памяти о войне) состоялось лишь в конце 1980 – начале 1990-х годов. Но в подавляющем большинстве российских семей к этому времени живых свидетелей уже давно не осталось, а реконструкция требовала очень больших специальных усилий, и в нее редко включались люди молодые. Память в расколоте обществе не могла не быть фрагментарной и противоречивой даже на уровне одной и той же семьи, и эти фрагменты при отсутствии общего социального или исторического контекста не выстраивались в некую общую картину (ни в головах представителей старших поколений, ни тем более в головах молодых людей). Именно поэтому вычищенный, подкрашенный и подправленный образ победы воплощал собой некий мнимый консенсус – память о политических репрессиях такого консенсуса дать не могла.

Трудность диалога

Для возникновения исторического диалога одна сторона должна хотеть говорить, а другая задавать вопросы и слушать – эти фазы на протяжении советской истории были очень короткими (время хрущевской оттепели и горбачевской перестройки). Правда, надо отметить, что передача исторического опыта (о непарадной стороне войны, о репрессиях) часто не осуществлялась вертикально, а в большинстве случаев происходила практически горизонтально – то есть так называемую правду о прошлом воспринимали современники, которые и так о многом догадывались¹⁰. Были моменты, когда исторический опыт становился необходимым обществу для расчета с прошлым, для избрания исторического пути. Но этот диалог быстро приостанавливался или насильственным образом прерывался под давлением жесткой политической (в период «оттепели») или социально-экономической реальности (в эпоху перестройки).

Для диалога (или, скажем, даже для передачи исторического опыта) нужен также некий общий язык, каким бы конфронтационным он ни был, – конечно, не только на уровне лексики (молодежный сленг существует в той или иной форме всегда), но в более широком смысле: на уровне ценностных представлений. В начале 1990-х годов обнаружили в этом отношении закономерные противоречия, которые сказываются сегодня на состоянии исторической памяти, формах и возможностях ее передачи. Сильный интерес к прошлому испытывали тогда не представители молодого поколения (нынешние 35–40 летние), а как раз те, кому тогда было 40–60 лет. Когда же сегодняшние молодые (20–25-летние) оказались в сравнительно сознательном возрасте, общество уже почувствовало

---

¹⁰ Это было свойственно, например, поколению шестидесятников, когда многие из представителей советской интеллигенции стремились узнать правду о прошлом, хотели услышать ее от живых свидетелей эпохи.

усталость, погрузилось в ностальгию, а еще живые свидетели говорили с ними (тогдашними детьми) уже о том, как хорошо было жить в советское время (они имели ввиду, конечно же, брежневский период) и как тяжело жить в эпоху хаоса 1990-х. Таким образом, возникла (и при помощи людей старшего поколения) резко негативная оценка той эпохи, одним из главных смыслов которой было стремление к исторической правде. С другой стороны, в 1990-е годы социальный статус представителей старшего поколения резко упал, лишь очень немногим из них удалось вписаться в так называемую рыночную экономику. Поэтому и все достигнутое ими в советскую эпоху, в том числе на уровне духовных ценностей, обесценилось в глазах молодых. Это не стимулировало ни возникновения диалога, ни появления уважительного отношения к жизненному итогу стариков и не вызывало к ним прямого сочувствия. Кроме того, уродливый советский быт, в котором по-прежнему продолжало прозябать старшее поколение – пенсионеры и ветераны, никак не мог привлечь молодых, захваченных потребительским бумом, в котором старики, конечно же, не могли участвовать. Жизненные трудности, на фоне которых молодое поколение росло в 90-е, вызвали реакцию отторжения, нежелание слушать о тяжелом *не их* прошлом. К этому прибавились новые жертвы – сначала Афганской в 1980-е, а затем и двух Чеченских войн, для пропаганды которых советские и постсоветские СМИ активно использовали риторику Отечественной войны. Таким образом, у части молодежи в 1990-е годы возникли пацифистские настроения, когда война (какая бы она ни была) воспринималась лишь как абстрактное зло. Другая же и существенно бóльшая часть молодежи просто оказалась не готова к восприятию трагического и тяжелого. Лозунг на молодежном сленге, обращенный к старшему поколению «Не грузите нас!», означал в том числе и нежелание становиться частью непереработанного, тяжелого и болезненного прошлого, груз которого несли на себе отцы и деды.

Что остается?

В обществе, уже лишенном живых свидетелей, остается лишь культурная память. Когда речь идет о войне, такая память насыщена и свидетельствами, и художественными произведениями. В течение всех послевоенных десятилетий, несмотря на цензурные препятствия, писатели и режиссеры создавали образ войны, отличный от официального. Достаточно назвать имена Виктора Некрасова, Василия Гроссмана, Василя Быкова, Вячеслава Кондратьева, Виктора Астафьева, Григория Бакланова, Алексея Германа, Ларисы Шепитько и многих и др. К сделанному ими в последние годы прибавились и работы более молодых режиссеров (Алексея Германа-младшего, Дмитрия Месхиева) и в художественном, и в документальном кино, которые пытались ставить сложные вопросы, браться за трагические темы (партизанское движение, жизнь в оккупации, судьбы немецких военнопленных), говорить по-иному и другим языком. Появились и новые мемуарные свидетельства, авторы которых

по цензурным соображениям не могли опубликовать их прежде¹¹. Казалось бы, сложившаяся к концу 1990-х новая информационная среда (Интернет) должна была бы облегчить доступ к ресурсу памяти, который создавался в прошлые годы, и к тому, что возникает сегодня. И мы видим, что темы, так или иначе связанные с войной, чрезвычайно бурно обсуждаются в сети Интернет, пользователи которой в большинстве своем люди молодого возраста. Однако едва ли возможно говорить о том, что образ войны и память о ней стали шире и глубже благодаря новым технологиям и доступности информационного пространства. Скорее, наоборот, образы упрощаются, *огламуриваются*, картина войны в сознании молодых все больше напоминает компьютерные игры или клипы. А произошедшая в течение последнего десятилетия смена исторической памяти на историческую политику, когда война – это, прежде всего, идейная основа нового русского патриотизма, вызвала новые деформации в восприятии молодежи. Этому способствуют и меняющиеся школьные учебники¹², в которых победа войне служит оправданием так называемой модернизации, которая осуществлялась путем насилия, и таким образом становится инструментом для обеления фигуры Сталина. И является оправданием насилия как эффективного способа управления обществом. Надо еще отметить, что на все изучение истории войны в школьном курсе отводится не более двух часов. Все это не могло не дать отрицательный результат. Это хорошо видно по итогам мемориального школьного исторического конкурса, который проводится с 1999 года. Из двух-трех тысяч работ о советском прошлом, которые мы получаем ежегодно, примерно треть посвящена военной теме. Их авторы – это определенная школьная элита – в большей степени не столичная, а провинциальная. Это те школьники, которые вообще не задумываются о нашем прошлом, да еще и садятся писать работу о семейной, о региональной памяти. Но именно по этим работам можно проследить, как постепенно забывается, искажается и мифологизируется образ советского прошлого и войны. Когда мы начинали наш конкурс в конце 1990-х,

---

¹¹ Например, одним из ярких событий последних лет, стала напечатанная в Санкт-Петербурге в 2008 г. книга воспоминаний сотрудника Эрмитажа Николая Никулина, которую отличает беспощадно-правдивый взгляд на свой военный опыт: «В целом эти записки – дитя “оттепели” шестидесятых годов, когда броня, стискивавшая наши души, стала давать первые трещины. Эти записки были робким выражением мыслей и чувств, долго накапливавшихся в моем сознании. Написанные не для читателя, а для себя, они были некоей внутренней эмиграцией, протестом против господствовавшего тогда и сохранившегося теперь ура-патриотического изображения войны. <...> Сейчас бы я написал эти мемуары совершенно иначе, ничем не сдерживая себя, безжалостней и правдивей, то есть так, как было на самом деле. В 1975 году страх смягчал мое перо. Воспитанный советской военной дисциплиной, которая за каждое лишнее слово карала незамедлительно, безжалостно и сурово, я сознательно и несознательно ограничивал себя. Так, наверное, всегда бывало в прошлом. Сразу после войны правду писать было нельзя, потом она забывалась, и участники сражений уходили в небытие. Оставалась одна романтика, и новые поколения начинали все сначала...». См.: Никулин Н.Н. Воспоминания о войне, 2-е изд. СПб, Издательство Гос. Эрмитажа. 2008. С. 173.

¹² Филиппов А. В. Новейшая история России, 1945–2006 гг.: Книга для учителя. М.: Просвещение, 2007.

большинство работ, которые нам посылали в 1999–2001 гг. и еще года два-три после этого, начиналось с обязательной преамбулы о том, что у нас было очень тяжелое и трагическое прошлое. (Школьнику всегда трудно *начать* работу, ему нужно какое-то вступление.) И при некоей формальности такого «зачина», было ощущение, что до нынешних подростков донесли все-таки, *каким* было советское прошлое, тем более что то, что они описывали, это подтверждало. Теперь же эта преамбула к работе – не важно, что за ней идет, выглядит совершенно иначе. Сегодня наши школьники непременно пишут о патриотизме, о гордости за великую Родину и за ее прошлое. И часто это настолько не увязывается с содержанием самой работы, что не может не вызывать тревогу. Ведь вслед за этим обычно рассказывается очень горькая, трагическая история о войне – история непомерной цены победы для каждой российской семьи. Но сегодня школьники все реже приходят к выводу, который после чтения таких работ напрашивается сам собой – есть предмет гордости, но не за великую Россию, не за государство, которое так поступало с людьми, а за собственную прабабушку, которая в войну выгнала на себе детей, голыми руками вырыла землянку, не дала детям погибнуть, вырастила, выучила, вывела в люди, и все это на фоне бесправия, голода, унижения. Гордости за прадеда, которого сначала раскулачили, а потом призвали в армию, и он погиб – под Вязьмой, Ржевом, Кенигсбергом, Варшавой. Разве тут нет реальной причины для гордости за то, что их близкие в этих условиях не только выжили, но и не потеряли человеческий облик?

Но беда заключается в том, что наши подростки не улавливают этой причинно-следственной связи. Она за последние годы разорвалась, и разорвалась потому, что наши дети прекрасно воспринимают то, чего от них ждут творцы новой «счастливой идентичности», и что сегодня уже начало непосредственно формулироваться в новых учебных пособиях.

На этом фоне отношение к войне, к цене Победы, к прошлому абсолютно формализуется – георгиевская ленточка, которую теперь нацепляют все поголовно к празднику Победы, – наглядный пример такой формализации и непонимания того, что кроется за этим символом¹³. К настоящей трагедии и боли эти пустые символы не имеют отношения. Поэтому так горько перед очередной и последней для еще живых участников войны датой читать строки уже упоминавшегося Николая Никулина, обращенные к молодым:

«Равнодушие к памяти погибших – результат общего озверения нации. Политические аресты многих лет, лагеря, коллективизация, голод уничтожили не только миллионы людей, но и убили веру в добро, справедливость и милосердие. Жестокость к своему народу на войне, миллионные жертвы, с легкостью принесенные на полях сражений, – явления

---

¹³ Кстати, весьма характерно, что в рамках социологического опроса «Левада-Центра», проведенного накануне 65-летия Победы был задан вопрос: «Как бы вы отнеслись к тому, чтобы к 65-летию Победы был установлен памятник Сталину?» Из респондентов в возрасте 18–24 лет 12% отнеслись к идее положительно, 34% – безразлично, 40% – отрицательно.

См. : <http://www.levada.ru/press/2010032601.html>

того же порядка. <...> Война, которая велась методами концлагерей и коллективизации, не способствовала развитию человечности. Солдатские жизни ни во что не ставились. <...> Главное – воскресить у людей память и уважение к погибшим. Эта задача связана не только с войной, а с гораздо более важными проблемами – возрождением нравственности, морали, борьбой с жестокостью и черствостью, подлостью и бездушием, затопившими и захватившими нас. <...> Ведь затапывание костей на полях сражения – это то же, что и лагеря, коллективизация, дедовщина в современной армии. <...> Никакие памятники и мемориалы не способны передать грандиозность военных потерь, по-настоящему увековечить мириады бессмысленных жертв. Лучшая память им – правда о войне, правдивый рассказ о происходившем, раскрытие архивов»¹⁴.

---

¹⁴ Никулин Н.Н. Указ. соч., С. 228.